

По ту сторону фронта

На страницах «Пулковского меридиана» мы неоднократно знакомили наших читателей с историями военной поры. Эти воспоминания о войне предельно откровенны и честны. Собранные воедино, эти кусочки судеб разных людей говорят нам о той невероятной силе духа нашего народа, благодаря которой была выиграна война. Сегодня мы публикуем воспоминания жительницы Московского района Ираиды Михайловны Гордеевой. Июнь 1941 года она вместе с семьей встретила в Псковской области. Вскоре туда пришли немецкие войска.

Много пишут о войне, о блокаде, но редко пишут, как выживали на оккупированной земле. Псковщина была оккупирована в первые дни войны и освобождена последней. Целых 3 года люди жили в страхе под гнетом фашизма.

Я родилась в глухой деревеньке, где не было ни радио, ни электричества. Мои родители были сельскими учителями. На их долю выпало много труда и радости. Они стояли у истоков всеобщего обучения. Не все мамы отдавали детей в школу, и родители ходили по деревням, проводили беседы. А вечерами при свете керосиновых ламп обучали грамоте и счету взрослых. Вся жизнь родителей была подчинена общественным делам, школе, детям. Так жили год за годом и верили в светлое будущее.

их частей. Оставались на день, два передохнуть и шли дальше. Но куда? Вся Псковщина была оккупирована. Многие попадали прямо в руки фашистов. Мама подолгу с ними разговаривала, кормила и каждую ночь оставляла в банке питания.

А немцы уже хозяйничали. Украшали городок флагами и свастикой. Установили комендантский час. Они узнали, что солдаты скрываются в лесах, прочесывали их и расстреливали всех, кого видели. Все труднее становилось жить. Магазинов не было. Питались своим огородом. Да еще нужно было кормить не-

им помогал, а после допроса – расстреливали. В Кудевери рядом с кладбищем есть глубокая траншея. Это громадная братская могила. Там лежат десятки зверски замученных и расстрелянных людей.

Приближался второй военный учебный год. И снова 1 сентября прозвенел звонок. Теперь маме стало работать легче, у нее появилась помощница. Тетрадей не хватало: писали на обложках книг, на бумажных обрывках, но учились. С удвоенной силой мама взялась за работу. В ней было столько веры в непобедимость наших войск, что она говорила об этом везде – на уроках, в деревне. Она вселяла надежду и детям, и взрослым.

В начале декабря шел очередной урок. Писали контрольную по арифметике. Вдруг в окно класса я увидела, как карательный отряд окружает школу. Я посмотрела на маму. Она стояла у доски бледная, но спокойная. Взгляды встретились. Приложив палец к губам,

Ира Гордеева. 1945 год

1943 год был для Псковщины очень тяжелым. Фашистов хорошо потрепали под Сталинградом. (Через партизан в деревнях об этом знали). К тому же усилилось партизанское движение. Партизаны нападали на колонны, взрывали мосты, уничтожали военную технику и живую силу. Однажды из лагеря были освобождены военнопленные. В ответ фашисты мстили населению. Отобрали весь скот. Устраивали облавы, ловили, вешали, расстреливали. Но все понимали, что фашистскому «царству» приходит конец.

Все взрослое население под

Однажды пробнулись от страшных взрывов; это фашисты, отступая, подорвали Новоржев. 26 февраля 1944 года пришла наша разведка. Взрослые рыдали от счастья. Спустя 3 дня в город вошли советские войска. Все погорельцы съехались в единственную уцелевшую деревню. Там же разместились полевая кухня и госпиталь. Военные взяли на себя всю заботу об оголодавших, измученных людях. Они вместе с нами переносили все невзгоды. Спали минутками в холодных сараях прямо на соломе и отсюда уходили в бой. Мы жили на передовой. Всего в 5 километрах на высоте стояли немцы. Когда ночью шел бой, было светло как днем. 3 месяца продолжались бои за высоту. Наконец, фашисты отступили и вся деревня вернулась на свои пепелища. Поселились в землянке, среди траншей. Вскоре все были призваны на колхозные работы, а по вечерам обрабатывали свои участки. В колхозе выдали несколько ведер картофеля для посадки. Есть было почти что нечего. Меня отправили в дом для беспризорников, а оттуда в ремесленное училище в Ленинград.

лам, школе, детям. Так жили год за годом и верили в светлое будущее.

Наступило лето 1941 года. Родители уехали в Ленинград покупать материалы на следующий учебный год, а мы с братом остались с бабушкой. Она пришла погостить к нам из Новоржева. Ждали возвращения родителей. 22 июня был день солнечный, жаркий. Скорбное известие о начале войны молниеносно разнеслось по деревням. Взрослые тихо плакали и дети притихли. 27 июня вернулись родители и рассказали, что их поезд бомбили и что в Ленинграде началась мобилизация.

Мобилизация началась и в деревнях. В первых числах июля папа вместе с односельчанами ушел на фронт. Отцу поручили отряд и отправили на Локну. Больше их никто никогда не видел. В деревнях остались одни женщины и дети. А вскоре мы уже просыпались от грохота канонад. Где-то били орудия, строчили пулеметы и визжали бомбы. В воздухе носился протяжный, ноющий звук немецких самолетов. Наши части отступали.

Несколько дней спустя промчались немецкие мотоциклы. Ночью прогрехотала техника с немцами и все стихло. Они остановились в райцентре Кудеверь. Много наших солдат оставалось в лесах, они искали выход, а выхода не было. До глубокой осени приходили изнуренные, голодные парни, отставшие от сво-

Родители Иры

мецких дармоедов.

Несмотря ни на что, 1 сентября мама открыла школу. Место отца за учительским столом занял брат.

В начале 1942 года в округе начали действовать партизаны и до населения стали доходить известия о состоянии дел на фронте. Мы знали, что Ленинград окружен, что люди умирают от голода, что надо помогать Красной Армии, чтобы одолеть врага. И помогали, чем могли. Вязали носки, варежки, катали валенки. Все это отправляли на фронт – каким образом, не знаю. Партизаны действовали повсюду: то подорвут мост, то взорвут немецкую машину. По утрам в деревнях находили отпечатанные листовки с призывом: «Бей фашистов!» У нас в доме начали появляться какие-то люди. Кто и зачем – меня в это не посвящали. Начались облавы, появились тюрьмы. Фашисты привозили военнопленных, партизан и тех, кто

она поправила на плечах серый вязаный платок. В дверях появился полицейский и попросил ее выйти из класса. Я пыталась идти за ней, но меня оттолкнули и дверь класса закрыли. В классе стояла мертвая тишина. Сколько времени прошло, не знаю. Но когда дверь открыли, ни мамы, ни брата не было. Я вышла на улицу. Посреди двора лежал мертвый человек, незнакомый. Была оттепель, из-под него текла красная струйка воды.

Спустя две недели маму расстреляли за связь с партизанами. Брата перевезли в немецкую тюрьму в Опочку.

Я осталась одна. Несколько месяцев ютилась по домам знакомых, а в конце мая пошла в Новоржев, где жили бабушка и тетя с семьей. Шла 30 километров по лесным тропинкам. Когда наконец добралась, тетя была очень счастлива меня видеть. А вскоре из Опочки вернулся брат. Казалось, все самое страшное позади.

все понимали, что фашистскому «царству» приходит конец.

Все взрослое население под дулами автоматов согнали на постройку оборонительного рубежа. Установили дневную норму рытья окопа 3 метра в длину и 2 – в высоту. Взрослые уходили в 6 утра и возвращались в 10 вечера. Вся тяжесть уборки урожая легла на детские плечи.

Ударили морозы. Вечерами то тут, то там вспыхивало зарево. Горели деревни. Стали сушить сухари, прятать в землю какие-то вещи. Мы предчувствовали беду, и в конце ноября она пришла. Подъехали мотоциклисты и без предупреждения подожгли деревню с двух сторон. Все как муравьи тащили подушки, перины, мешки с сухарями, а крыши уже горели. Бабушку тогда уже парализовало. Полураздетую, мы вынесли ее на снег и одевали на морозе. Все польхало. От едкого дыма было не продохнуть. Соседние деревни тоже горели. Идти было некуда. Погрузив бабушку на детские санки, мы потащились в лес. Нарубили еловых веток, построили шалаш, положили на еловые ветки перины – и так, на снегу, мы прожили 3 месяца. Костер разжечь было нельзя. Увидев дымок над лесом, фашисты били шрапнелью. От холода спасали шубы. Никакой еды, кроме сухарей, не было. Тетя выдавала 1 сухарь утром и 1 – вечером. Ели ягоды рябины, калины, а потом грызли лозу: обьели все молодые побеги.

отправили в дом для беспризорников, а оттуда в ремесленную училище в Ленинград.

Шел сентябрь 1944 года, мне было 11 с половиной лет. По приезду меня приветливо встретили и проводили в столовую. Дали сладкий-сладкий чай и громадный кусок булки. На всю жизнь я запомнила этот первый, самый вкусный завтрак. В труде и заботе подкралась весна.

Однажды, ранним утром, мы проснулись от криков. Не понимая, что произошло, мы выбежали в коридор. Навстречу бежала воспитательница в слезах и кричала: «Девочки, война кончилась! Война кончилась!» И мы тоже закричали и заплакали от радости. Это был незабываемый день! День Победы 9 мая 1945 года.

С тех пор прошло много лет, но каждую ночь я бегаю по лесным тропинкам, брожу по классам своей школы и вижу маму, стоящую у доски в накинутом сером платке. Если бы спросили, что бы я хотела в оставшейся жизни, я бы ответила: «Построить на том кладбище рядом с братской могилой маленький Храм, обязательно с колокольней. И пусть он каждое утро своим печальным звоном напоминает живым обо всех, лежащих там. Чтобы в каждом звуке живые слышали:

– Помни! Помни! И не допусти повторения!»

Ираида Гордеева